

СОДЕРЖАНИЕ

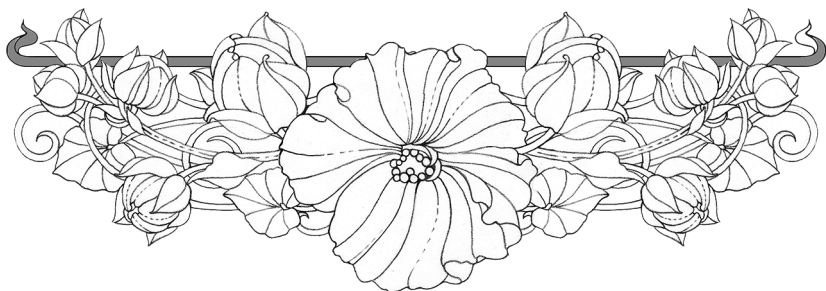
Предисловие	5
Чуткая любовь	8
Заступник	12
Вразнос	17
Проклятые вопросы	22
Солнечная тайна	27
Предпраздничное 1914 г.	31
Полиглот	35
Нищета	43
Оптимистка	52
Праздничное	59
Июнь	64
Революция в Монако	70
Демоническая женщина	74
Демонический мужчина	79
Событие	85
Благородное негодование	93
Светлый старичок	101

Именины	109
Система Тэйлора	116
Порочный круг	125
О Новом годе	133
Идеальный муж	137
Идеальная жена	144
У реки ночью	151
Свои люди	154
Типы и группы	160
Благотворительное заседание	166
Кратчайшая линия	172
Страдалец	179
Горничная	185
«Он лучше знает»	192
Бестактность	200
Бывают в жизни встречи	207
Фантазия	214
Гений	222
Семейное утро	235
Сумасшедший	242
Вещь	249
Свинки	257
Народный язык	263
Вагонное чтение	272
Дневник будущего	278
Погода	285
Батум	289
«Белый олень»	293
Экс	299
Бел-горюч камень	309

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот том открывает новую страницу творческого наследия Тэффи. Здесь собраны главным образом рассказы и фельетоны, которые автор впоследствии не перепечатывала в составе сборников и которые по этой причине выпали из поля зрения последующих поколений читателей. А между тем многие из них по своим достоинствам ничуть не хуже тех, которые читателям Тэффи хорошо знакомы.

Некоторые из текстов, уже известных поклонникам Тэффи по другим публикациям, в сборнике представлены в новых расширенных редакциях. Это связано с тем, что иногда она писала рассказ на какую-то тему, а через несколько дней в газете выходило как бы дополнение к нему, которое развивало главную мысль. Такая вторая часть не существует в отрыве от первой, это ее естественное продолжение (см., например, «Народный язык», «Система Тэйлора»). Также для удобства читателей я включила в сборник хорошо известный рассказ «Демоническая женщина», так как он в каком-то смысле образует пару с новонайденным «Демоническим мужчиной».

Надежда Александровна Лохвицкая (по мужу Бучинская) сотрудничала с множеством изданий, начиная с «Русского слова» и «Речи» в империи Российской и заканчивая «Возрождением» и «Последними новостями» в парижской эмиграции. Исследователи вычислили, что перу Тэффи принадлежит более 1500 произведений малой прозы — и это не считая стихотворений и пьес для театра. В основном издаются и переиздаются несколько сотен ее юмористических рассказов, которые она сама включила в свои сборники, неизменно пользовавшиеся огромной популярностью.

Настало время вернуть читателям те тексты Надежды Александровны, которые остались на страницах газет и журналов и не перепечатывались многие годы — в некоторых случаях больше века. Эти рассказы, фельетоны, путевые очерки, эссе отражают личность Тэффи, в них слышен ее голос, ощущаются ее теплый юмор, наблюдательность и человечность. Надежда Александровна принадлежит к авторам, которых никогда не устаешь читать. У нее был талант даже самые обыкновенные, казалось бы, темы подавать с выдумкой, озорством и изяществом. Есть прекрасные — и даже великие писатели — которых нравится читать, которыми искренне восхищаешься, но они все же подавляют. Невозможно представить, чтобы с ними захотелось бы подружиться. В противоположность им Тэффи — редкий тип автора-друга. Она остроумна и порой чрезвычайно язвительна, но вместе с тем добра и снисходительна. Иронизируя над другими, она не забывает посмеяться и над собой. У ее рассказов своя узнаваемая интонация, и среди юмористов своего века Тэффи стоит особняком.

Ее истории запечатлели две эпохи — последние годы Российской империи в ее многообразии и послереволюци-

онную жизнь в эмиграции — трудную, но полную надежд на лучшее, на возвращение домой, вероятность которого с течением времени становилась все более и более призрачной. И хотя Тэффи после вынужденного переезда во Францию много печаталась и продолжала пользоваться известностью, жизнь на чужбине давалась писательнице так же нелегко, как и другим изгнанникам, бытие которых она изобразила в своих эмигрантских рассказах.

В сборник включены произведения Тэффи разных периодов. Даты проставлены в соответствии с печатными источниками. Иногда Надежда Александровна переиздавала свои тексты с некоторыми изменениями — так, рассказ «Свои люди» впервые был напечатан в 1918 году, однако в сборник вошла более поздняя версия из газеты «Возрождение».

За пределами данного сборника остались пьесы для театра, стихотворения, рецензии и те из прозаических вещей, которые в силу своей чрезмерной злободневности потребуют пространственных объяснений, что именно имелось в виду и над чем иронизирует писательница. Рассказы, включенные в сборник, снабжены комментариями для удобства современного читателя.

Валерия Вербинина

ЧУТКАЯ ЛЮБОВЬ

Тавина ждала Артемия Николаевича. Это было в первый раз, это был первый вечер, который они должны были провести вдвоем.

Тавина волновалась.

Артемий Николаевич такой чуткий, такой тонкий, почти как она сама. Сидеть с ним под большим розовым абажуром, слушать, как он говорит, отвечать полусловами и полусловами спрашивать, и никогда не знать, что именно будет забыто, и о чем они будут вспоминать «потом», — так радостно и жутко. Как захватывающе интересно, что, в сущности, оба они знают, как сильно нравятся друг другу, и оба притворяются, что ничего не понимают. И все только для того, чтобы как можно дольше идти по дороге самых сладких первых настроений новой любви.

«Мы — виртуозы чувства!» — с гордостью думала Тавина, ставя на пол у дивана длинный узкий бокал с розами.

«Чай подадут сюда. В столовую переходить не следует. Ничто так не разбивает настроения и не уравнивает душу, как переход с места на место. Иногда человек, прой-

дя всю стадию нарастания чувства, уже готов открыть рот, чтобы крикнуть: «Люблю тебя!», а пересади его в эту минуту на другой стул — он сразу и уравновесится».

Тавина обдумала и приготовила все, и когда в десять часов раздался звонок, ей осталось только повернуться у дверей в профиль, чтобы «он» получил сразу самое лучшее эстетическое впечатление, какое может дать ее внешность.

И впечатление получил сполна — только не он, а кто-то другой.

— Боже мой, как вы сегодня эффектны!

Что за голос?

Тихо холодея, Тавина повернула голову.

В дверях в позе самого безмятежного восхищения стоял доктор Курц — рыжий, носатый, с руками, обросшими красной шерстью, «весь в кудрях», как поется в народной песне. Презренный доктор Курц!

— Как это мило, что вы зашли! — сказала Тавина тоном, говорящим: «Как ты сюда залез?»

— Боже ж мой! — ликовал доктор Курц. — Да я об этой минуте мечтал с девятого числа.

Тавиной было так безразлично докторское мечтанье, что она даже не полюбопытствовала узнать, почему именно с девятого. Она только вытерла потихоньку поцелованную Курцем руку.

И так как ей было противно, чтобы доктор смотрел на цветы, приготовленные «для него», то она посадила доктора спиной к ним.

Началась беседа.

Говорил Курц. Тавина отвечала на все молча, мысленно, томно улыбаясь. Ответ этот был: «Чтоб ты сдох!»

Через десять минут пришел Артемий Николаевич.

Он, видимо, был неприятно поражен, увидя Курца. Надулся, молчал. Потом неожиданно вступил с Курцем в самую оживленную беседу.

На Тавину он даже не смотрел, точно забыл о ее существовании.

Доктор был польщен таким исключительным вниманием и заливался соловьем.

Тавина глядела на Артемия Николаевича и старалась понять.

Мучилась, мучилась, наконец поняла. Ясное дело: это все нарочно. Он — виртуоз чувства.

Он нашел, что на сегодняшний вечер все равно все потеряно, и решил донять ее равнодушием. Это очень умно. Жаль, что она сама не успела опередить его и занять эту позицию. В ее руках к тому же был козырь: можно было покочетничать с Курцем.

Как хорошо, что она все понимает. Такая тонкая, такая чуткая...

Они ушли оба вместе — и Артемий Николаевич, и Курц.

Она все-таки надеялась, что Артемий Николаевич останется.

— Вы хотели мне прочесть какие-то стихи... — робко сказала она.

— К сожалению, теперь уже поздно.

И они ушли.

А когда ушли, она долго оставалась одна в передней, побледневшая и растерянная. Так жаль было загубленного вечера.

Медленно, опустив голову, вернулась она в гостиную, еще пахнувшую «его» папиросой, и вдруг увидела на ковре,

около «его» кресла, носовой платок. Она подняла платок, нежно его разгладила и, смущенно засмеявшись, закрыла им свое лицо.

«Его» платок... его, его... Он, кажется, еще сохранил запах его рук, его лица...

Она долго смеялась и говорила его платку все те «пошлые» слова, которые никогда не решится сказать «ему» самому, потому что она виртуозка, тонкая, особенная.

— Милый... Я люблю тебя... Я так люблю тебя...

Потом легла спать и положила платок на подушку, и ночью, просыпаясь, говорила ему простые слова любви и целовала его.

Утром ждала звонка по телефону, но звонка, конечно, не было. Виртуозы не звонят.

Вспомнила о платке, улыбнулась.

— Тайное счастье мое!

Пошла гулять и встретила Курца. Он ехал на извозчике и так обрадовался, увидя ее, что скатился с сиденья кубарем.

— Боже ж мой! Я так счастлив! Хе-хе! А я скоро у вас опять буду.

«Чтоб ты сдох!» — крикнула душа Тавиной, а губы прошептали:

— Очень рада.

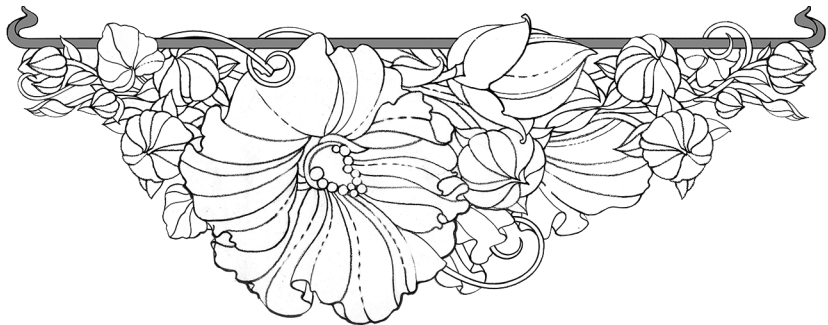
— Скоро, скоро буду. Хе-хе! Я верю в приметы. Я у вас вчера забыл носовой платок, значит, по народной примете скоро опять приду.

— Что?.. Что?.. Вы...

— Боже ж мой! Да вам, кажется, дурно! Ох уж эти мне перевозные дамочки... Влюблена она в меня, что ли?

ЗАСТУПНИК

Перед обедом Сергунов спросил у жены:
— Студент Ваня придет?

— Придет. Я ему сказала, чтобы каждый день приходил обедать. Наврала, будто нам с тобой вдвоем скучно, что у тебя аппетит плохой, и все такое. Он обещал придти.

— Несчастный молодой человек! — вздохнул Сергунов. — Один в целом свете, и денег ни гроша. Только бы он не догадался, что мы понимаем его положение.

— Нет-нет. Я уже тебе говорю, что сказала, будто нам вдвоем скучно. Пусть думает, что он же нам услугу оказывает.

— Пусть думает. Это хорошо. С ним нужно быть особенно деликатным. Для интеллигентного человека жить подачками страшно тяжело. Несчастный он, несчастный. Ведь если бы мы его не позвали, питался бы колбасой, и это теперь, в холерное время.

— Какое же теперь холерное время? Ни одного случая холеры не было.

— А ты непременно хочешь, чтобы был? Я не понимаю, Маруся, откуда в тебе такая жестокость! И во всем она у тебя проглядывает. Вчера, за обедом, вдруг говоришь студенту Ване: «Не хотите ли еще супу?» Он даже покраснел. Разве можно так говорить? Ведь ты этим ясно подчеркиваешь, что ты, мол, добрая женщина, а он, мол, приживальщик. Разве это красиво?

— Ну что за вздор! Уж нельзя ему супу предложить?

— Можно, но все это нужно делать деликатнее. Налила бы себе, мне вторую тарелку, вот все и произошло бы вполне естественно.

— Однако же он преспокойно съел.

— С голоду и не то сделаешь. Наверное, с большим бы удовольствием швырнул эту тарелку тебе в лицо. Чуткости в тебе нет, мать моя! Чуткости.

К обеду пришел студент Ваня. Длинный, патлатый, костистый.

Сергунов долго тряс ему руку обеими руками и говорил, неестественно захлебываясь от радости:

— Наконец-то, дорогой Иван Васильевич! Наконец-то мы вас снова увидели!

Студент удивился:

— А что? Разве я опоздал?

— Нет-нет, что вы! Ради бога, не подумайте! Да, наконец, если бы и опоздали, что же, мы не можем подождать вас, что ли? Да мы вам стольким обязаны!

Студент посмотрел подозрительно, ничего не сказал и сел за стол.

— Марусенька! Мне еще супу! — закричал Сергунов, не успев покончить с первой тарелкой. — Нам с Иваном Васильевичем еще. Бери и себе еще.

— Я больше не хочу.

— Очень деликатно, нечего сказать! — прошептал Сергунов. Студент Ваня ел сосредоточенно, съел три тарелки и вытер лоб.

После четвертой котлеты сказал сам себе: «Славно».

— Скушайте еще! — предложила Сергунова.

— Мерси, достаточно.

— Вы ужасно мало кушаете, — сказала Сергунова и сама покраснела.

— Вы совсем, совсем ничего не едите! — с пафосом закричал Сергунов. — Ровно ничего.

Он выпучил глаза и выпятил грудь.

Бей, мол, меня, а я свидетельствую истину и от слов своих не отрекусь.

— Да-да... — лепетала жена. — Да... мы ужасно удивляемся...

— Чему же вы удивляетесь? — сконфузился студент.

— Да вот тому, что вы так все не едите...

— Ну, уж это, знаете ли, того... скорее насмешка.

— Как так насмешка! — вскочил Сергунов. — Вы действительно так мало кушаете, что я даже беспокоился. Пенял жене. У нас все как-то невкусно, оттого, — говорю, — и Иван Васильевич ничего не кушает.

Студент посмотрел подозрительно, надулся и отказался от сладкого.

После обеда Сергунова, чтобы развлечь студента, стала играть с ним в шашки.

Студент развеселился и хохотал, выпячивая кадык.

Сергунов сидел рядом, подсказывал студенту ходы и делал ему комплименты. Выигрывала все время, несмотря на подмигивания мужа, хозяйка дома.